

Сергей ЗВЕРЕВ

ПОСВЯЩЕНИЕ В ГЕРОИ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Посвящение в герои

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Посвящение в герои / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Спецназ ВДВ)

Вот и еще один корабль угодил в лапы к сомалийским пиратам – балкер «Жанетта». В трюмах судна нет ничего ценного, но корсарам достаточно самого корабля и его команды. А команда на борту многонациональная – русские, французы, индийцы, украинцы... Будет с кого потребовать выкуп за пленников! Сомалийцы перевозят захваченных моряков на материк. Французский спецназ отбивает часть заложников – но только своих, французов. А что же остальные? О них позаботится мобильная боевая группа российских десантников, которую возглавляет майор ВДВ Лавров – легендарный Батяня. Офицеров всего трое – но каждый из них стоит дюжины, и пиратам придется несладко...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Зверев

Посвящение в герои

Глава 1

– Смотри, вон там, чуть правее – видишь?

– Где – там?

– Нет, вот эта, самая яркая. Это дельта Ориона. С ней рядом еще две звезды, послабее.

Вместе они образуют созвездие Ориона.

– А вот эта, прямо у нас над головой?

– Это Канопус. У нас она не видна, только здесь, возле экватора, можно увидеть. А вон еще одно созвездие. Оно имеет к тебе самое прямое отношение.

– Это почему же?

– Потому что это Козерог. Ведь у тебя день рождения в январе?

– Да, верно... Выходит, вон оно какое, мое созвездие! Здорово... И вообще – как все это красиво!

Балкер «Жанетта» – огромное судно, способное перевозить до 35 тысяч тонн груза, – мерно разрезал волны Индийского океана, направляясь к Суэцу. Буря, которая трепала корабль три дня назад, улеглась, океан был спокоен. Кок Настя Малеванная и третий механик Костя Мельников стояли на баке, на самом носу. Волны, разрезаемые форштевнем судна, вспыхивали сказочными разноцветными огнями – это светился планктон, которым так богаты воды тропиков. А над их головами горели непривычные созвездия Южного полушария. Лунный серп прочертил на поверхности океана светлую дорожку.

Настя повернулась, чтобы охватить взглядом и небо, и поверхность океана. Ее лицо оказалось совсем рядом с Костиным, и механик не преминул этим воспользоваться. Поцелуй получился нежным, но не таким страстным и долгим, как хотел бы Константин.

– Не надо, Костя, – попросила девушка. – Не порть момент. Сейчас хочется просто любоваться этой красотой.

– Ты меня не охлаждай, – попросил механик. – А то ведь знаешь: у меня натура тонкая, ранимая. От сердечной раны могу быстро в ледышку превратиться.

– Если и охлажу, то чуть-чуть, – засмеялась Настя. – Мне с тобой интересно. Ты молодой, а вон сколько плавал, столько всего знаешь! Мне с тобой поговорить хочется, а не всякими глупостями заниматься.

– Почему же глупостями? – возразил Костя. – Любовь – вовсе не глупость. И, между прочим, очень полезна для здоровья и для общего развития.

– Ой, только не надо всех этих подробностей, – решительно заявила девушка. – Любовь такая, любовь всякая...

– Не знаю, о чем ты подумала, но я совсем о другом хотел сказать, – с невинным видом объяснил механик. – Я – о пользе ухаживания за девушками. Вот у меня в колледже был друг, и была у него девушка. Очень красивая, прямо все при ней. Как тебя, Настей звали. Он и так к ней, и саяк, а она ни в какую. Тогда он стал ей каждое утро цветы приносить. И не с рынка – с гор. У нас в Геленджике горы прямо над городом. Не слишком высокие, но крутые. И он туда лазил – высоко, метров на пятьсот поднимался, – и приносил маки, и анемоны, и крокусы, и еще какие-то – названия не помню...

– И что же – добился успеха? – заинтересовалась Настя.

– Нет, не получилось, – признался Костя. – Уж больно дорого она себя ценила. Нацелилась или по подиуму ходить, или за миллионера выйти. А может, и то и другое. Нас лохами

считала. Так что у Кирилла с ней ничего не срослось. Зато он в этих прогулках так накачался, что решил всерьез заниматься спортом. И стал вначале чемпионом края, а затем вошел в сборную. Сейчас по соревнованиям ездит, большие деньги зарабатывает.

– По какому же виду спорта – «лазание по кручам с букетом»? – усмехнулась девушка.

– Нет, по плаванию, – совершенно серьезно отвечал Костя. – Можешь проверить: я тебе его фамилию скажу, зайдешь в Интернет, посмотришь. Так что от любви бывает большая польза.

Настя рассмеялась, было видно, что рассказ ей понравился. Воспользовавшись моментом, Костя снова заключил девушку в объятия.

– Слушай, а где мы завтра должны быть? – спросила Настя чуть позже.

– В 11 часов должны пройти порт Джибути, – отвечал Костя. – Но останавливаться не будем. Так и пойдем прямым ходом до Суэца.

– Жаль... – протянула Настя. – Хочется посмотреть разные места. Я ведь всего только первый год плаваю, еще нигде побывать не успела. Вот плывем мимо Африки, а какая она – так и не увидим.

– Ну, если хочешь заходить в порты, тебе надо переходить на круизное судно, – заметил Костя. – Будешь вместе с пассажирами сходить на берег, тогда больше увидишь. Ну, если хочешь, могу рассказать тебе о Джибути; я там несколько раз бывал. Или о Дар-Эс-Саламе...

Константин (не разжимая при этом объятий) стал рассказывать о столице Танзании, о ее легендарном восточном базаре. Настя слушала, продолжая при этом любоваться ночным морем. Вдруг она воскликнула:

– Смотри, а вон там лодка! Идет прямо к нам...

– Где? Не вижу...

– Ты не туда смотришь. Вон, левее, видишь?

Костя взгляделся, куда показывала Настя, и его сердце тревожно забилося: хорошее зрение не подвело девушку, с запада к балкеру быстро приближалась моторная лодка. Механик понял, что свидание при луне закончилось.

– Беги по каютам, всем скажи, и по дороге всех предупреждай, – скомандовал он. – А я на мостик.

– О чем предупреждать-то? – растерянно спросила Настя. – Чего ты так всполошился?

– Беда, Настя! Пираты это! Как пить дать пираты! – прокричал уже на бегу Костя.

– Пираты... – растерянно повторила девушка. – Как же так? От берега далеко ведь...

Но ее никто не слышал: Костя уже бежал к рубке. «Хорошо бы из наших кто на вахте стоял, – думал он на бегу. – Михалыч или Резчиков... А то французам пока втолкуешь...»

Дело было в том, что команда «Жанетты», как и подавляющего большинства современных судов, была смешанной. Поскольку владельцем судна была французская компания «Транс Женераль», то руководство тоже состояло из французов. Капитаном был Бертран Савиньи, его первым помощником – Жан-Поль Дюбайе, вторым помощником – Юбер Марсель, штурманом – Жерар Лакомб. Кроме того, страну Наполеона и Гюго представляла и дама – доктор Норма Лабрус. Остальная часть команды состояла из русских, украинцев и индийцев. Профессия обязывала моряков владеть европейскими языками, и все члены экипажа говорили по-английски. А вот с французским было хуже: тот минимум, который требовался для совместной работы, выучили, но за его пределы выходили немногие. Ну, и вообще, в такой ситуации легче было иметь дело с соотечественником.

Однако надежды Мельникова не оправдались: когда он вбежал в рубку, то обнаружил там первого помощника капитана Жан-Поля Дюбайе; за штурвалом стоял индус, вахтенный матрос Дилак Тонглао. Впрочем, это тоже было неплохо: пятидесятилетний Дюбайе, внешне слегка похожий на прославленного актера Жана Габена (русские за глаза так и звали старпома), пользовался большим авторитетом у всех членов экипажа – даже большим, чем капитан. Опытный

старпом был мужиком суровым, даже резким, но точно определял, кто чего стоит, кто прав, а кто неправ, и всегда принимал правильные решения. Кроме того, русским и украинцам он импонировал еще и тем, что положительно относился к выпивке и в свободное от вахты время мог спокойно «приложить» стакан отличной французской водки «Серый гусь» – в отличие от лощеного капитана Савиньи.

– Слева по борту лодка! – прокричал Костя, вбегая в рубку. – Идет прямо на нас!

Здесь, в рубке, он не стал произносить слова «пираты» – старпому подсказка не требовалась, он и сам мог сделать нужные выводы. И Дюбайе их сделал. Внимательно взглядевшись в указанном направлении, он скомандовал рулевому:

– Право руля десять градусов!

Затем, наклонившись к микрофону, передал в машинное отделение:

– Бабочки, внимание! (Так старпом произносил непривычную фамилию техника-моториста Жени Бабочка.) Прибавить оборотов! Полный ход!

«Ага, значит, в машинном дежурит Женька, – заключил Мельников. – Это хорошо. И хорошо, что «Габен» на вахте: он мужик что надо, будет сопротивляться до последнего. А то «Савин», глядишь, сразу бы сдался».

Его предположение оправдалось: старпом продолжал отдавать приказания, готовя судно к возможному вторжению. Несколько человек встали у бортов, наблюдая за приближающейся лодкой, а также осматривая море с других сторон: пираты часто использовали при нападениях несколько судов. Всем остальным матросам Дюбайе приказал вооружиться судовыми гидрантами и быть готовыми пустить их в ход, если захватчики попытаются залезть на борт. Радист Юра Плотников начал вызывать российский сторожевик «Неустршимый» и французский фрегат «Нант», которые должны были нести дежурство вблизи африканского побережья.

В разгар приготовлений в рубку вошел капитан «Жанетты» Бертран Савиньи, а затем еще двое офицеров – штурман Жерар Лакомб и старший механик Андрей Куликов. Дюбайе, как и полагалось, доложил капитану о ситуации и о принятых мерах.

– Хорошо, – кивнул Савиньи. – Действуйте, как наметили. Только не вступайте с ними в перестрелку. Главное для нас – сберечь людей.

– С голыми руками на автоматы не пойдем, – заверил его старпом. Затем, повернувшись к Плотникову, спросил: – Ну, где наши и ваши военные? Могут они нам помочь?

– «Неустршимый» находится в районе Африканского Рога, у входа в Аденский залив, – сообщил радист. – Это километров триста от нас. «Нант» южнее и чуть ближе, но все равно до него около двухсот. Ближе всех итальянцы – их эсминец «Леонардо» в ста километрах к северу.

– Хорошо, – кивнул Дюбайе. – Передай капитану «Леонардо», что мы подверглись нападению пиратов и просим их немедленно двинуться нам на помощь. Сами мы сейчас тоже идем на север, так что спустя час можем с ними встретиться. Важно продержаться этот час...

– Подождите, Жан, – подал голос Савиньи. – Мне кажется, еще рано заявлять, что мы подверглись нападению. Пока что об этом ничего не...

Его речь была прервана самым неожиданным образом. Внезапно на спешащей к балкеру лодке вспыхнул свет прожектора, он осветил нос «Жанетты». А затем тишину ночи прорезали звуки выстрелов, и пулеметные пули ударили о борт судна.

– Ну вот, кажется, нас официально известили о нападении, – заключил «Габен». – Что, теперь можно передавать сообщение?

– Да, несомненно, – упавшим голосом ответил Савиньи.

Плотников передал сообщение для итальянского эсминца. Оттуда ответили, что направляются навстречу «Жанетте». Эсминец развивал скорость до 30 узлов, балкер – 27. Таким образом, за час они должны были покрыть расстояние между ними. Дюбайе был прав – нужно было продержаться этот час. Но эта задача казалась выполнимой, и настроение у команды стало подниматься.

Внезапно матрос Махеш Гавли, стоявший с гидрантом наготове у правого борта, закричал:

– Смотрите! Там еще одна лодка! Еще одна!

Действительно, с северо-запада к «Жанетте» приближался еще один катер. Оттуда тоже открыли огонь по балкеру, а затем раздался усиленный мегафоном голос, с сильным акцентом выговаривавший английские слова:

– Эй, на судне! Глушите мотор! Стоять на месте! Будете правильно себя вести – будете живы! Если будете глупить – всех перестреляем!

– Слушайте, Дюбайе, – заговорил капитан. – Ситуация становится угрожающей. Надо ли нам от них убегать? Это крайне опасно!

– А сидеть полгода в какой-нибудь клетке, без нормальной еды и лекарств – не опасно? – возразил старпом. – Вспомните русского капитана, захваченного пиратами в прошлом году. Он умер от сердечного приступа. Этого вы не боитесь?

– Я не думаю, что все так мрачно, – нервно пожал плечами Савиньи. – Во всяком случае, сопротивление должно иметь разумные пределы.

– Хорошо, мы постараемся не выходить за эти пределы, – пообещал «Габен».

«Жанетта» продолжала полным ходом идти на север. Пиратские лодки, подойдя к балкеру метров на 50, некоторое время шли неподалеку от судна параллельным курсом. Видимо, пираты ждали, когда моряки выполнят их приказ. Убедившись, что те и не собираются сдаваться, они изменили тактику. С лодок вновь раздалась автоматная и пулеметная очередь. Но теперь пираты стреляли уже не по бортам судна – они метили прямо в рубку.

Как видно, Дюбайе предвидел такое развитие событий: при первых же звуках выстрелов он скомандовал: «Всем на пол!» – и сам присел на корточки. Зазвенели разбитые стекла, очередь прошла потолок рубки, оттуда на людей посыпались куски пластмассы. Однако высокие борта сухогруза не позволяли пиратам, стрелявшим от самой воды, поразить людей, прижавшихся к полу.

– Всем, кто не на вахте, покинуть рубку! – скомандовал «Габен». – Укрыться в каютах и за палубными надстройками! Нечего тут геройствовать!

Мельников, Куликов и Лакомб подчинились приказу и, пригнувшись, покинули рубку. Капитан Савиньи решил остаться.

Оказавшись на палубе, Костя Мельников огляделся и увидел двух матросов, Володю Билибина и Байчунга Бхутни. Индеец держал наготове гидрант, а Володя как раз в этот момент высунулся за левый фальшборт, чтобы поглядеть, что делают пираты. Тут же рядом раздалась автоматная очередь, и рядом с его головой просвистело несколько пуль. Билибин был вынужден укрыться за бортом.

– Они тут, рядом! – прокричал он. – Возле носового клюза! Сейчас зацепят за него лестницу и полезут!

– Давай, потащили гидрант ближе к носу! – крикнул Костя индийцу. – Я помогу!

Вдвоем они потащили рукав на бак и встали наготове. Видно было, что пираты и в самом деле готовят здесь вторжение: пули так и свистели над палубой, приблизиться к борту не было никакой возможности. Моряки были наготове. Вот что-то стукнуло о корпус судна, а затем над фальшбортом показалась вначале голова, а затем и верхняя часть туловища пирата. На шее у него висел короткоствольный автомат. В ту же минуту Мельников включил гидрант, и мощная струя воды ударила прямо в лицо нападавшего. Он что-то крикнул, разжал руки и исчез.

– Ага, не понравилось! – азартно крикнул механик.

Оглянувшись, он увидел троих матросов, которые из другого гидранта поливали сразу двоих пиратов, лезущих через борт ближе к корме. То ли эти пираты оказались крепче, то ли напор воды там был не такой сильный, только эти нападавшие держались дольше и скрылись

только после того, как на помощь матросам подоспели перебежавшие от другого борта Куликов с Лакомбом и мотористом Игорем Супруном.

– Ну вот, и этих смыли! – крикнул Супрун Косте. – Может, больше и не сунутся!

– Хорошо бы! – крикнул в ответ Мельников. – А на той стороне кто остался?

– Там один Гавли, – отвечал моторист. – Ничего, справится. А кто там полезет? Если здесь лезут сразу в двух местах, ясно, что обе лодки с этого борта.

– Да, наверно... – пробормотал Мельников. Однако его охватило нехорошее предчувствие. – Вы с Байчунгом оставайтесь пока, а я сбегаю на правый борт, посмотрю, что там, – сказал он Билибину и, оглябая надстройку, поспешил туда. Оказавшись на другой стороне судна, механик оглядел палубу. На первый взгляд здесь не было ничего подозрительного, палуба была пуста. Мельников сделал несколько шагов по направлению к юту – и вдруг увидел двоих негров с автоматами в руках. Один направлял оружие на Костю, а второй, обхватив рукой за шею Настю Малеванную, приставил маленький, словно игрушечный, автомат к ее голове.

– Не глупи, – сказал тот, что держал под прицелом Мельникова. – Если закричишь, будет два мертвых – ты и она.

А через борт сразу по двум лестницам лезли еще двое пиратов. Видеть это и не предупредить своих Мельников не мог.

– Пираты! Пираты здесь! – крикнул он что было мочи, кинувшись в сторону, чтобы уйти от пуль.

Но чернокожий с автоматом не стал стрелять. Вместо этого он подскочил к механику и ударил его прикладом по голове. В голове у Кости словно что-то взорвалось, он осел на палубу. Теряя сознание, он увидел, как через борт лезут все новые и новые захватчики. Последней мыслью, мелькнувшей в голове механика, было воспоминание о том, что Настя хотела увидеть Африку и жалела, что они проплывают мимо. «Вот, теперь, кажется, мы все ее увидим», – подумал Костя и провалился в темноту.

Глава 2

Вызов в Москву не стал для майора Лаврова слишком большой неожиданностью. За последние несколько лет командира десантного батальона, расквартированного в Самаре, уже не раз посылали в «командировки» в удаленные уголки мира. Андрей Лавров, прозванный подчиненными Батяней, успел побывать и в Северной Африке, и в разных местах Южной Америки, и в Афганистане. Как правило, его посылали туда, где что-то угрожало жизни российских граждан или существенно затрагивались интересы России.

Так что, получив от командира дивизии приказание отправиться в Москву, в штаб ВДВ, майор быстро собрался, прикидывая, в какую из «горячих точек» его на этот раз закинет судьба и воля командиров. Внутренне он был готов к очередной поездке и теперь прикидывал, куда его могут направить. «Кажется, в Индокитае участились инциденты с нашими туристами, – вспомнил он. – Несколько человек погибло. Может, туда пошлют? Кстати, в этих краях я ни разу и не был...» Однако он не угадал.

Войдя в здание штаба Воздушно-десантных войск в Сокольниках, Лавров узнал, что пропуск на его имя выписан к заместителю командующего ВДВ по разведке генералу Федину. Этот факт подтвердил догадку майора о причинах вызова: его предыдущие поездки также начинались в кабинете генерала Федина.

Долго ждать в приемной генерала Лаврову не пришлось: едва дежурный доложил о его прибытии, его тут же пригласили в кабинет. Федин, сам бывалый десантник, поднялся навстречу майору и провел его к столу. Усадив гостя, генерал испытующе взглянул на него и без обиняков сказал:

– Хотим дать тебе новое ответственное задание. Не только ответственное, но и опасное. Ты как, готов?

– Вы же знаете, товарищ генерал, – отвечал Лавров. – Я, как пионер, всегда на боевом дежурстве. Куда на этот раз?

– Куда, куда... Даже и говорить не хочется. Уж больно там место нехорошее. Можно сказать, сейчас это самый опасный район на всем земном шаре.

– Ну, тогда это, наверно, Московская кольцевая дорога, – заключил майор. – Я слышал, там больше всего народу в ДТП гибнет.

– Все шутики шутишь... – удовлетворенно кивнул генерал. – Это хорошо. Поэтому мы тебя и рекомендуем... смежным ведомствам, что ты ни при каких обстоятельствах не пасуешь и выходишь из трудностей с честью. Однако место, куда мы хотим тебя направить, – это все же не МКАД, не Чечня и не Ингушетия. Слышал, наверно, о сомалийских пиратах?

– Вон оно что... – протянул Лавров. – Слышал, конечно. Ребята, как я понял, боевые.

Желание шутить у него пропало: дело принимало серьезный оборот.

– Если сказать точнее – наглые до жути, – заметил Федин. – У нас о таких говорят – безбашенные. Не признают никаких законов, норм и правил, действуют за сотни миль от родных берегов, иногда прямо под носом у сторожевых кораблей, посланных охранять от них морские коммуникации. И этих пиратов в Сомали целая армия – тысячи бандитов. Есть пять крупных банд и десяток поменьше.

– Так вы хотите меня направить в Африку, чтобы перебить это отребье, выжечь все пиратские гнезда и сделать тамошние моря безопасными? – спросил Лавров. Генерал Федин с удивлением отметил, что майор на этот раз и не думает шутить – он говорил совершенно серьезно.

– Если так, я согласен, – продолжал Батяня. – С моим большим удовольствием. Меня прямо злость берет, когда слышу про их художества. Захватывают суда, месяцами держат людей в плену... Недавно там один наш капитан умер от сердечного приступа... Пошлите мой

батальон, добавьте нам еще танковую группу и моряков, чтобы с моря этих гадов запереть, – и выжжем все начисто!

– Нет, такая глобальная задача перед тобой не стоит, – покачал головой Федин. – Сам понимаешь: подобная операция – дело большой политики. Это если руководство страны решит – тогда да. Пока что перед нами более узкая задача. Но не менее серьезная. Позавчера в Индийском океане было захвачено французское судно «Жанетта». Корабль французский, а экипаж на нем смешанный. Есть среди них и французы, индийцы, и украинцы... Но есть и шестеро наших. И все они сейчас находятся в руках у пиратов.

– И что, требуют выкуп?

– Да, как обычно. Как нам сообщили по дипломатическим каналам, вчера вечером пираты прислали в штаб-квартиру компании факс. В нем указана сумма выкупа за судно и команду.

– И сколько просят?

– Официально эта цифра не называется, – сказал Федин. – Но нашим дипломатам удалось узнать, что речь идет о сумме в восемь миллионов долларов.

– Круто... – покачал головой Лавров. – И что – французы готовы столько платить?

– Никто не платит сразу, – объяснил генерал. – Как правило, компания вступает с захватчиками в переговоры. В ходе этих переговоров владельцы судна стараются сбить сумму. В итоге обычно договариваются о значительно меньшей сумме; в нашем случае речь может идти о полутора-двух миллионах.

– Ну, если так, то нашим вроде ничего не угрожает, – заключил Лавров. – Капиталисты рано или поздно заплатят выкуп, и их отпустят. Если бы судно принадлежало какой-нибудь стране, которую и на карте не найдешь, тогда пираты не могли бы рассчитывать на серьезные деньги и держали бы экипаж в плену несколько лет. Тогда было бы понятно: ребят надо выручать. Но Франция – страна серьезная, деньги у владельцев, видимо, есть...

– В том-то и дело, что страна серьезная, – заметил Федин. – Франция вроде Израиля – переговоры с бандитами не ведет, а предпочитает решать вопросы с помощью военной силы. Они уже дважды за 2008 год посылали свой спецназ в Сомали, чтобы выручить своих граждан, попавших в плен.

– И как – удачно? – поинтересовался Лавров.

– Вполне, – подтвердил генерал. – В апреле подразделение их спецназа освободило 32 человека – пассажиров и членов экипажа яхты «Ле Пенан». Яхта шла с Сейшел во Францию и была захвачена в Аденском заливе. Пираты требовали за их освобождение фантастическую сумму – что-то около 30 миллионов. Десантники провели молниеносную операцию, освободили всех заложников и захватили в плен шестерых бандитов. При этом никто не был даже ранен. Однако этот опыт не пошел бандитам впрок, и спустя пять месяцев они захватили еще одну французскую яхту, «Каре». Это судно, правда, было гораздо меньше, на нем плавали всего три человека. Но Франция доказала, что число захваченных граждан не имеет значения: снова провели спецоперацию и освободили яхтсменов. При этом один пират был убит, а шестеро захвачены в плен. Сейчас все они содержатся в тюрьмах Кении.

– Молодцы! – одобрил Лавров действия коллег. – Ну, и чем все это плохо для наших моряков? Может, французы снова проведут спецоперацию и освободят весь экипаж? А если даже нет, то пираты, опасаясь нападения, будут более уступчивыми в переговорах, соглашение будет быстро достигнуто, и все возвратятся домой.

– Тебе, майор, надо бросить службу и пойти книжки приключенческие писать, – сердито заметил Федин. – Или кино снимать. Это только в романах или голливудских боевиках американский спецназ благородно освобождает и своих, и чужих, бандиты в страхе разбегаются и сдаются, и закон торжествует. А в реальности никто чужих спасать не спешит – думают только о своих. А бандиты, дважды получившие по шее, стали от этого лишь более злыми. Потому и

заломили такую крутую сумму выкупа. Кроме того, теперь они будут бояться нового нападения и примут все меры, чтобы удержать пленных. Наши специалисты – ты с ними еще познакомишься – опасаются, что пираты не оставят команду на судне, как делают обычно, а переведут всех заложников на берег, в какую-нибудь тюрьму. Ведь в обеих успешных операциях людей освобождали именно с яхт.

– Теперь понял, – кивнул Лавров. – Есть опасение, что переговоры затянутся и наши моряки застрянут в Сомали на несколько месяцев.

– Правильно понимаешь, – одобрил Федин. – И это не просто опасение: полученные нами сведения показывают, что события начинают развиваться именно по такому сценарию.

– Какая же задача ставится передо мной? – напрямик спросил Лавров.

– Запланированная нами операция делится на два этапа, – начал объяснять генерал. – На первом этапе будет осуществляться разведка. Ваша группа проникнет в Сомали, установит место, где содержат наших ребят, и соберет всю необходимую информацию, которая может понадобиться, если поступит команда на начало активной фазы: число бандитов, которые охраняют моряков, их средства связи, возможность вызова подкрепления, а главное – пути эвакуации людей в случае их освобождения. Ну, а если поступит такая команда – будете проводить операцию по освобождению.

– Надо понимать, что команда на проведение второго этапа поступит с самого верха? – уточнил Лавров.

– Да, именно так, – подтвердил Федин, для наглядности показав пальцем в потолок. – И только в случае крайней необходимости. Французам легче: у них прямо под боком, не так далеко от Сомали, есть несколько военных баз; есть правительства, получающие от них помощь и от них напрямую зависящие. У нас, к сожалению, нет ни того ни другого.

– Товарищ генерал, вы сказали, что в Сомали нас отправится целая группа, – заметил Лавров. – Значит, я буду не один? Большая будет группа?

– Нет, не слишком большая, – ответил Федин. – Сам понимаешь: в таких делах количество людей еще ничего не решает и может быть даже препятствием. Вас будет трое или четверо – этот вопрос сейчас уточняется. Руководить людьми будешь ты, принимать все решения и отвечать за результат. С одним из своих новых подчиненных ты сейчас познакомишься. – Он наклонился к селектору и произнес: – Сережа, давай Анисимова ко мне.

Пользуясь возникшей паузой, Лавров спросил:

– Скажите, товарищ генерал, а если все же поступит команда на проведение второго этапа операции, кого мы будем освобождать: всех или только своих?

– Интересный вопрос, – задумчиво произнес Федин. – Правильнее было бы, конечно, спасти только своих. А то вдруг в ходе эвакуации кого-то из чужих пуля заденет или змея укусит... Потом все СМИ напишут, что русские во всем виноваты, своих не привыкли жалеть, вот всех за собой и потащили. На благодарность рассчитывать не приходится. А с другой стороны... – генерал сделал паузу, словно не зная, чем закончить фразу.

– А с другой стороны, как-то негоже людей в беде бросать, – закончил за него Лавров. – Так что я, с вашего разрешения, паспорта у них спрашивать не буду. Будем освобождать всех, кто в этом нуждается.

– Что ж, если это твое решение, как руководителя группы, то мы тебя ругать за него не будем, – заметил Федин. – Но и команды такой тебе никто не даст – слишком большой риск. А вот и твой напарник.

В кабинет вошел человек среднего роста в гражданской одежде. Первое, что бросилось в глаза Лаврову, – огненно-рыжие волосы вошедшего. Потом он заметил и веснушки, густо покрывавшие его лицо. В общем, перед ним был типичный рыжий-рыжий-конопатый.

– Вот, знакомьтесь, – предложил генерал. – Это капитан Александр Анисимов из... из другого ведомства. Его начальство рекомендует капитана как лучшего специалиста по странам

Африки и Аравийского полуострова. А это майор Андрей Лавров. Он будет руководителем вашей группы.

– Здравия желаю, товарищ майор! – приветствовал капитан старшего по званию.

– Будем знакомы, капитан, – отвечал ему Лавров, пожимая протянутую руку.

– Ну вот, костяк вашей группы собрался, – заключил Федин. – Сейчас вы пройдете в нашу гостиницу – это здесь, недалеко. Считайте, что это ваша учебная база. В вашем распоряжении примерно сутки – столько осталось до вылета. За это время ты, капитан, должен полностью ввести майора в курс дела, передать ему всю необходимую информацию. Позже к вам присоединятся еще один или два человека. Вечером у вас состоится беседа с начальником капитана Анисимова, он даст вводную и все нужные документы. Завтра, ориентировочно в восемь утра, вылет. Ну, вперед!

Глава 3

Уже спустя десять минут после того, как первый из пиратов проник на палубу «Жанетты», все было кончено: судно полностью перешло под контроль бандитов. Всех моряков, кроме капитана, штурвального и двух механиков, обслуживавших двигатель, согнали в кают-компанию. Пираты провели обыск. Впрочем, деньги не отнимали, забрали только сотовые телефоны. Командовавший обыском высоченный негр, широко улыбаясь, объявил, что ничего плохого ни с кем не случится, пусть все будут спокойны.

– Только в десант играть не надо, – добавил он, выразительно посмотрев на Костю Мельникова. – Играть в герои не надо. Тогда все быть живые, все здоровые.

Пока что действительно все члены экипажа были живы и относительно здоровы. Выяснилось, что, кроме Кости, у которого после удара автоматом голова раскалывалась от боли, и матроса Махеша Гавли, раненного в ногу, никто из экипажа во время захвата судна не пострадал. Доктор Норма Лабрус – сухопарая француженка, вечно ходившая с сигаретой в зубах, – осмотрела обоих раненых и сообщила, что ничего серьезного им, по-видимому, не угрожает: у Кости, скорее всего, легкое сотрясение мозга, а у Гавли задеты мышцы, пуля прошла навылет.

Пока в кают-компании шел обыск, а затем врачебный осмотр, в рубке пираты определяли судьбу судна. Главарь захватчиков – человек лет тридцати, коренастый, ходивший в пестрой рубашке и полотняных штанах, – приказал морякам погасить на судне все огни и сменить курс. Теперь «Жанетта» полным ходом шла на запад. Рацию пираты сразу же вывели из строя, чтобы кому-то из моряков не пришлось в голову потихоньку передать сообщение на итальянский эсминiec.

После того как все распоряжения были отданы и балкер лег на новый курс, главарь бандитов подозвал к себе капитана Савиньи.

– Будем знакомиться, капитан, – сказал он. – Ваше имя я узнал из судовых документов, так что можете не представляться. А меня зовут Юсуф Ахмед. Теперь слушайте внимательно и передайте остальному экипажу. Я занимаюсь этим бизнесом не первый день, и ваш корабль у меня тоже не первый. И за все время от моих рук или от рук моих людей еще не погиб ни один человек. Так что, если ваши люди будут сохранять благоразумие, вам ничего не угрожает. Но и терпеть неповиновение мы тоже не будем. Если кто-то из экипажа попытается зажечь свет или иным образом подать сигнал – пусть пеняет на себя. Это понятно?

– Да, вполне понятно, – кивнул Бертран Савиньи. – Но скажите, куда вы ведете наше судно? И какой выкуп вы намерены потребовать? Или это все является секретом?

– Почему же? Никакого секрета, – отвечал Юсуф. – Сейчас все скажу. Только одно маленькое уточнение, капитан: это судно уже не ваше и не вашей компании. Это наше судно, и мы можем сделать с ним все, что захотим. А хотим мы получить за него, а также за вас и ваших людей немного денег. По сравнению с теми суммами, которыми ворочают европейские компании, это совсем небольшие деньги. Но для нашего бедного народа это будет хорошая помощь. И это будет только справедливо, если европейские капиталисты поделятся с бедным сомалийским народом. Ну вот, это что касается наших запросов. А ведем мы вас в порт Босасо – слышали, наверное, о таком? К утру должны быть на месте.

– Да, слышал, – упавшим голосом ответил Савиньи. Разумеется, он слышал названия маленьких портов на северном побережье Сомали, этих пиратских гнезд – Эйль, Харардере, Босасо. Захваченные суда месяцами, а то и годами стояли на их рейдах, а команды томились в плену в ожидании выкупа. Оставалась, правда, надежда на то, что капитан итальянского эсминца, не найдя «Жанетту» в условленной точке встречи, поймет, что балкер захвачен пиратами, отправится в погоню, и эта погоня будет успешной. Именно на это надеялись все моряки попавшего в беду судна. Однако до сих пор военным кораблям, несшим вахту возле побережья

Сомали, крайне редко удавалось догнать уже захваченное судно. И еще меньше было случаев, когда такой корабль удавалось освободить.

К сожалению, так все и вышло. Всю ночь «Жанетта» шла на запад, и никакое судно не появилось, чтобы ее освободить. Ближе к утру главарь пиратов разрешил капитану Савиньи отправиться на отдых, на мостике его сменил первый помощник Дюбайе. При первых лучах рассвета он увидел вырастающие из моря горные вершины: это были цепи горных хребтов, находящихся на границе Сомали и Эфиопии. Затем показался и берег, а на нем – небольшой рыбацкий поселок.

Следуя указаниям Юсуфа – тот взял на себя обязанности лоцмана, – Дюбайе ввел «Жанетту» в порт и поставил на якорь. После этого пираты заявили морякам, что те могут взять свои личные вещи и собраться на палубе.

– Позвольте, но зачем? – удивился Савиньи, который вел переговоры от имени всей команды. – Разве мы не остаемся на судне?

– Нет, не остаетесь, – ответил главарь пиратов.

– Как? Почему? – возмутился Савиньи. – Я знаю, я слышал, что экипажи захваченных судов всегда остаются на борту, здесь и живут. Тут нам все знакомо, тут наш дом... Нет, мы не хотим уходить на берег!

Глядя на Савиньи сейчас, Костя Мельников подумал, что, пожалуй, напрасно считал француза таким уж беззубым – как выяснилось, капитан умел отстаивать интересы команды.

– На суше больше риска, что мы подхватим какие-то местные болезни, – поддержал капитана старший механик Андрей Куликов. – А ни у кого из нас нет прививок!

Однако Юсуф Ахмед тоже умел добиваться своего, и ему было легче – сила в данном случае была на его стороне.

– А потому, – отвечал он, обращаясь прежде всего к Савиньи, – что ваши соотечественники имеют плохую привычку вмешиваться в чужие дела. Это дело, – пират ткнул пальцем в палубу «Жанетты», – касается только меня и хозяина вашей компании. Но правительство Франции любит считать свою страну великой державой и посылать солдат, чтобы те решали коммерческие вопросы. Так вот: на этот раз этот фокус не пройдет! Вы будете жить на берегу, и где именно – не будет знать ни одна душа. А что до прививок, – повернулся он к Куликову, – то у вас есть доктор, пусть она вас и прививает, если хотите. Мы даже лекарства вам дадим. Так что хватит разговоров, и вперед, на берег!

При этих словах главаря несколько пиратов передернули затворами автоматов. Делать было нечего. Моряки один за другим спустились по трапу к лодкам. Когда первая лодка заполнилась и отчалила, на ее место встала вторая.

Настя с Костей Мельниковым ехали в первой посудине. Когда берег приблизился, стало видно, что на причале стоят несколько десятков человек. Среди них были и мужчины, но гораздо больше женщин и подростков. Все они что-то весело кричали, а женщины и дети еще и пели, и танцевали.

– Чего это они? – удивленно спросила Настя.

– Наверно, радуются, что их дорогие мужья с добычей вернулись, – высказал предположение Костя.

– Не обязательно мужья, – поправил его сидевший рядом Куликов. – Среди них, может, вообще жен нет. Это они радуются успеху своих земляков. Нам они радуются, понимаете? У меня есть один знакомый, он служил на кипрском танкере, который также этим бандитам попался. Они четыре месяца на корабле жили, пока хозяин выкуп не заплатил. Так вот, он рассказывал, что, когда пираты приходят в порт с захваченным судном, все население устраивает вроде как карнавал. Для них это праздник. Ведь в этом нищем Босасо других заработков, кроме пиратства, нет. На полученные в качестве выкупа деньги пираты покупают продукты,

машины, вообще тратят их, не скупясь. Посылают детей в школы, даже строят дороги! Так что и остальному населению кое-что достается. Вот они и радуются.

Лодка подошла к причалу – грубо сделанной бетонной стене, облепленной старыми автомобильными покрышками.

– Совсем как у нас в порту, – заметила Настя.

– Да уж, в Европе такого не увидишь, – произнес Куликов.

Пленники поднялись на причал и остановились в нерешительности. Никто им не указывал, куда идти, и уже не охранял. Казалось бы, беги, куда хочешь. А куда побежишь в чужой стране, где ничего не знаешь, а все жители видят в тебе лишь источник легких денег, и где тебя выдает все, начиная с цвета кожи и кончая языком? Пираты это хорошо понимали и не слишком беспокоились об охране захваченных моряков.

Вслед за первой причалила и вторая лодка, и вот уже весь экипаж «Жанетты» собрался на берегу. Когда на причал вслед за пленниками поднялись и пираты, толпа разразилась бурными криками восторга. Главаря банды Юсуфа Ахмеда приветствовали, как героя. Мельников заметил, что к нему местные обращаются весьма почтительно. «Как у нас к губернатору какому», – подумал механик. Остальных пиратов из его группы обнимали, хлопали по плечам – чуть ли на руках не качали.

Разрезая толпу, на причал одну за другой вкатили несколько машин. Первым ехал, сверкая краской и сияя желтыми дверными ручками, огромный новенький «Хаммер», за ним катила выдававшая виды «Тойота», а затем следовали три жуткие развалюхи, марку которых было невозможно определить. Кузов последней машины был буквально стянут проволокой.

– Ну и рыдваны! – покачал головой Сергей Муравьев, второй механик балкера. – У нас таких даже на дачах не увидишь...

– Но зато какова головная машинка! – заметил Мельников. – На такой только в банк ездить!

– Может, хозяин туда на ней и ездит, – предположил техник-моторист Женя Бабич.

– Не знаю, куда он ездит, но только не в банк, – не согласился с ним Куликов. – Нет здесь банков, Женя. Ни офисов нет, ни контор с ресторанами. Да и магазинов, в нашем понимании, думаю, тоже нету.

В этом «дед» (так на флоте зовут старших механиков), как позже выяснилось, ошибался.

Роскошный внедорожник остановился прямо перед Юсуфом. Правда, отличие от Европы состояло в том, что водитель не спешил распахнуть перед хозяином дверцу – он так и остался сидеть на месте. Вместо этого главарь бандитов сам распахнул дверь джипа, приглашая Бертрана Савиньи занять место в машине. Потом сел сам, и джип, сверкнув еще раз дверными ручками, развернулся и покатил обратно.

– Мать моя, а ведь они из золота! – тихонько воскликнул Бабич, провожая глазами роскошную машину. – Слышь, мужики, у этого чувака ручки на машине золотые!

– На чужие деньги можно даже стульчак на унитазах золотой сделать, – заметил на это Куликов. – Только неудобно будет: задницу отсидишь.

Теперь настал черед и остальным морякам рассаживаться по машинам. Им достались менее комфортные условия, чем капитану: в каждую из развалюх предстояло втиснуть по четыре-пять человек. Кое-кто запротестовал против таких условий, но пираты тут же взяли автоматы на изготовку, а стоявшая вокруг плотным кольцом толпа поддерживала их громкими криками. Пленники не понимали язык сомалийцев, но выражение лиц было понятно и без перевода.

– Мне страшно, Костя, – шепнула Настя Мельникову, когда они оказались рядом в одном из рыдванов, оказавшемся старым-престарым «Фиатом». – Все эти мужики смотрят на меня как... как...

– Понятно, – также шепотом отвечал ей механик, избавив девушку от необходимости уточнять. – Не бойся – может, все еще обойдется. Видишь, они ни в кого не стреляют. Даже меня не покалечили, хотя я и сопротивлялся.

– Да тут стрелять и калечить не надо, – горько усмехнулась Настя. – Только...

Она не стала продолжать.

Машина между тем ехала по улицам поселка. Впрочем, слово «ехала» тут вряд ли подходило: поскольку на улицах не было никакого покрытия, то «Фиат» кое-как ковылял по буграм или тряся на ухабах. Правда, изредка попадались участки отличной асфальтированной дороги. Они примыкали к домам, которые так же резко отличались от своих соседей, как асфальтированное шоссе перед ними – от слежавшейся грязи на остальной улице. Это были настоящие особняки – с дверями из мореного дуба, ажурными балкончиками, крышами, крытыми дорогой черепицей. Они очень странно смотрелись среди бедных хижин, кое-как сложенных из камня или из саманных брикетов.

– Вот они, дворцы пиратских королей, – пробормотал Куликов, поглядывавший в окно на роскошные коттеджи. – Построены на страданиях людей...

– Глянь, Михалыч, – воскликнул Женя Бабич, смотревший на другую сторону улицы. – А ты, кажется, ошибся насчет магазинов и ресторанов. Вон, смотри.

Старший механик глянул в окошко и увидел, как машина проехала мимо двухэтажного здания с двумя дверями. Над одной висела вывеска, написанная латинскими буквами, но само слово было непонятным, над другой виднелась надпись «Интернет-кафе».

– Вот, Интернетом побалуемся, – заключил Женя, провожая глазами очаг цивилизации.

– Как же, у них побалуешься... – пробурчал Куликов, как видно, уязвленный тем, что одно из его предположений не оправдалось.

Между тем «Фиат» проехал еще несколько кварталов, миновал очередной особняк – пожалуй, самый роскошный из всех увиденных моряками – и затем, свернув в узенький переулок, остановился у двухэтажного дома, сложенного из грубо отесанных камней. Машину тут же окружили несколько бандитов, которые жестами предложили пленникам выходить.

– Все, приехали в отель, – заключил неунывающий Бабич, вылезая из «Фиата». – Сейчас номера показывать будут.

– Нет, наверно, подождут, пока остальные машины подъедут, – предположил Мельников.

Он оказался прав, но только отчасти: во двор въехали еще две развалюхи, доставившие русских, украинцев и индусов. «Тойота» с французами не появилась.

– Все ясно: их будут отдельно от нас содержать, – заключил Куликов.

– Небось спрячут получше, чтобы никакой десант не мог отыскать, – согласился с ним второй штурман Олег Резчиков.

Появился один из пиратов, участвовавших в захвате «Жанетты», – он говорил по-английски и мог объясняться с пленниками. Следуя его указаниям, моряки вошли в дом. Узкая лестница вела на второй этаж. Все двинулись к ней, но тут вдруг один из пиратов преградил Насте дорогу и что-то сказал, указывая ей в сторону. Лицо девушки исказилось от страха, она беспомощно оглянулась на товарищей.

– Куда ведете девушку? Она с нами! – заявил Куликов – будучи старшим по должности среди присутствующих, он повел себя как человек, который должен представлять интересы всех.

Остальные моряки тоже громко выражали возмущение. Не понимавшие их пираты угрожающе подняли автоматы; было видно, что они готовы стрелять. Но тот, кто говорил по-английски, поспешил всех успокоить.

– Женщина не мочь жить с мужчины, – объяснил он. – Ей сюда нельзя. Здесь женский полovina, там мужской.

В подтверждение его слов из-за занавески появилась пожилая сомалийка. Не говоря ни слова, она взяла Настю за руку и повела за собой.

– Ну вот, и Настю отделили, – заметил Бабич, когда они поднимались на второй этаж. – Тяжело ей будет одной – даже поговорить не с кем... Может, нас еще как-то разделят?

Дальнейшие события показали, что его предположение было правильным.

Глава 4

– Ну что, капитан, – произнес Лавров, когда они с Анисимовым расположились в двухместном номере гостиницы, – давай, начинай свою лекцию. Времени у нас вроде достаточно, но только потом его может совсем не быть. А я про это самое Сомали, можно сказать, ничего и не знаю.

– Хорошо, товарищ майор, – согласился капитан. – Только сейчас компьютер включу: карту надо показать и кое-какие фото.

– Подключай, – кивнул Лавров. – Только знаешь что: командировка нам предстоит непростая, не один день вместе проведем, давай без церемоний. Меня Андреем зовут, тебя Александром – так и будем обращаться.

– Идет, – откликнулся Анисимов, уже усевшийся перед экраном.

Глядя на то, как его новый напарник заученными движениями вставляет диск и выбирает нужный режим просмотра, Лавров заметил:

– Ты, я вижу, привык с техникой обращаться.

– Да, приходилось, – сдержанно ответил капитан.

– Это хорошо, – кивнул Лавров. – Только там, на месте, вряд ли придется мышкой щелкать. Скорее всего, другое потребуется: скрытно передвигаться по любой местности, например, или снять часового. Стрелять, наконец. У тебя с этим как?

– Я, конечно, прежде всего специалист по Африке и арабским странам, – отвечал Анисимов. – Но я же разведчик. И курс разведывательной подготовки мы все проходили. Хотя, конечно, я этими навыками владею не так хорошо, как вы, товарищ... как ты, майор.

– Ладно, там посмотрим, как ты ими владеешь, – заключил Лавров. – Ну что, готово? Я весь внимание.

– Вот, смотри, – предложил Анисимов.

Лавров придвинулся к экрану компьютера. Перед ним был сделанный из космоса снимок большой территории. Сразу бросалось в глаза обилие гор и пустынь; леса, как и населенные пункты, встречались редко. На севере и востоке виднелось море, в него глубоко вдавался огромный полуостров.

– Это северная часть Сомали, район Африканского Рога, так называемый Пунтленд, – начал объяснения Анисимов. – Именно там находятся пиратские базы Эйль, Босасо, Харар-дере и действует большинство пиратов, поэтому этот район страны нас прежде всего и интересует. Сомали, как единое государство, не существует с середины 90-х годов прошлого века, оно фактически распалось на четыре части. На северо-западе – вот здесь, видишь? – основали государство Сомалиленд, которое объявило о своей независимости. Есть сведения, что его уже признали ряд африканских стран; в частности, в столице Сомалиленда городе Харгейса действует посольство Эфиопии. И не случайно: только в этой части Сомали есть что-то, похожее на нормальную жизнь. Там существует своя финансовая система, работают магазины и банки, людей защищает полиция. Туда даже туристы ездят! К востоку от Сомалиленда расположен этот самый Пунтленд, южнее расположены центральные штаты страны Галгудуд, Хиран и Бенадир. Ну а юг страны контролируют исламисты из Союза исламских судов.

– А правительства что, совсем нет, что ли? – удивился Лавров.

– Почему же, есть. Существует признанное ООН переходное правительство. Есть и президент, и премьер-министр, и министерства. Но они контролируют только саму столицу страны Могадишо. И то лишь с помощью межафриканских сил, состоящих из войск Уганды и Бурунди. При этом столица окружена войсками исламистов, которые то и дело ее обстреливают. Президентом Сомали является...

– Погоди, я вот что не понял, – перебил его Лавров, – пираты и исламисты – это не одно и то же?

– Нет, это разные группировки. Дело обстоит как раз наоборот: Пунтленд, контролируемый пиратами, поддерживает переходное правительство, можно сказать, является его базой. В ООН надеются, что со временем на базе Пунтленда сложится новое сомалийское государство и гражданская война, наконец, закончится.

– Как все запущено... – покачал головой Лавров.

– В Сомали все очень сложно, – подтвердил Анисимов. – Я еще не сказал, что все эти отделившиеся части страны сами не являются чем-то единым: их тоже раздражает внутренняя борьба, там полно разных группировок, которые то заключают союзы, то их разрывают. Я уж не буду тебя грузить, перечислять все эти «независимые республики» и альянсы.

– То есть опереться на кого-то, чтобы навести порядок и установить в стране мир, нельзя, – заключил Лавров.

– Такие попытки были, – объяснил Анисимов. – Но все кончилось безрезультатно. В 1991—1992 годах в Сомали проводилась международная операция «Возрождение надежды» – ООН оказывала помощь населению, пострадавшему от сильной засухи и голода. Операция прошла вроде успешно, и американцы пытались ее развить, закрепить свое влияние. Но в октябре 1993 года подразделение их спецназа попало в засаду в Могадишо; погибли сразу 18 человек. В Штатах начались протесты – там еще не забыли Вьетнам. Пришлось им вывести свои войска. Позже они еще раз попытались вмешаться в события, опираясь на подкупленных ими полевых командиров, но снова потерпели неудачу: исламисты полностью их разбили. После этого главной силой попыталась стать Эфиопия, которая ввела в Могадишо свои войска, чтобы поставить у власти свое правительство. Это им удалось, но как только эфиопские войска ушли, исламисты тут же разбили их ставленников. Теперь там действует, как я уже говорил, переходное правительство, которое опирается на межафриканские силы. Но соседние страны тоже не хотят глубоко ввязываться в конфликт. Так что новых претендентов на то, чтобы установить в Сомали единую власть, пока не видно.

– То есть американские сторонники там есть, эфиопские тоже имеются, а наших, что же, никого разве нет? – спросил Лавров.

– В свое время в Сомали было полно наших сторонников, – принялся объяснять Анисимов. – И самым главным был генерал Сиад Барре. В 1969 году он совершил переворот и провозгласил себя президентом. Он заявил, что будет строить в Сомали социализм «с африканским лицом». Советский Союз оказывал ему большую помощь. Там в то время работали несколько тысяч наших специалистов, много сомалийцев учились в советских вузах. Эти люди и сейчас живут в стране, и есть вероятность их встретить. Но их очень мало.

– И чем же кончилась эта дружба «с африканским лицом»? – заинтересовался Лавров.

– Кончилась она в 1977 году, когда Барре внезапно напал на Эфиопию, – объяснил Анисимов. – Решил отнять у нее провинцию Огаден, населенную сомалийскими племенами. Советское руководство оказалось перед непростым выбором: надо было решать, кого поддерживать – эфиопского руководителя Хайле Мариама, который тоже был нашим человеком, или сомалийца Барре. И хотя к тому времени у нас уже была своя военная база в Сомали, в порту Бербера, руководство СССР решило встать на сторону Эфиопии. И, как показали дальнейшие события, это было правильное решение: Барре восстановил против себя все население страны, его свергли, и после этого в Сомали наступил хаос.

– Ладно, с политикой мы вроде разобрались, – заключил Лавров. – Теперь давай расскажи про жизнь сомалийцев: какая там природа, язык, обычаи... еда, питье... Ну, и про пиратов поподробнее – все-таки нам с этими ребятами придется дело иметь.

– Хорошо, давай про жизнь, – согласился Александр. – Начнем с природы. О юге страны я говорить не буду – там нам, по всей видимости, работать не придется. Наш район – Пунтленд.

Он представляет собой в основном плато высотой 500—1500 метров, на котором находится африканская саванна. Лучше всего сравнить саванну с нашей степью: сухо, рек нет совсем, изредка встречаются ручьи и колодцы. Растут отдельные группы деревьев, много кустарников – акации, тамариск, молочай...

– Молочай – кустарник? – удивился Лавров.

– Да, и довольно крупный, до полутора метров высотой.

– То есть есть где укрыться? – уточнил майор.

– Да, в саванне можно укрыться, – подтвердил Анисимов. – И еду можно раздобыть – там довольно много животных: антилопы разных видов, зебры, жирафы... Но есть и хищники: львы, леопарды, гиены, шакалы. Много птиц. Вот чего в саванне постоянно не хватает, так это воды. Поэтому там почти нет постоянных поселений, а кочевники в основном занимаются скотоводством.

– А что это за люди – сомалийцы?

– Это типичные африканцы, близкие к эфиопам. Довольно высокие, гибкие. Быстро бегают, очень выносливые. Говорят на сомалийских языках с развитой системой тонов и гармонией гласных...

– Нет, про гармонию не надо, – попросил Лавров. – Все равно я в этом ни бельмеса не понимаю. Ты мне главное скажи: ты этот язык знаешь?

– В сомалийском языке существует пять основных диалектов, – отвечал Саша. – Я свободно говорю на двух, остальные понимаю. Ну, и на арабском, естественно, – он тоже там весьма распространен.

– Вот это хорошо, – одобрил Лавров. – А то, как я понимаю, на поддержку местного населения нам рассчитывать не приходится. Бесполезно надеяться, что какой-нибудь негр преклонных годов захочет нам помогать и укажет тайную тропу в пиратское гнездо?

– Нет, на это рассчитывать не стоит, – подтвердил Анисимов. – В Пунтленде все поддерживают пиратов, считают их героями. И это понятно: в разоренной стране они единственные, кто добывает деньги. Причем огромные для Сомали: только в 2008 году пираты получили в качестве выкупа за захваченные суда свыше 30 миллионов долларов. Для Сомали это астрономическая сумма! И не все эти деньги остаются у экипажей пиратских лодок: они покупают товары, оплачивают разные услуги, часть денег дают родственникам, и средства перетекают к остальному населению пиратских городков и даже жителям саванны. Поэтому мы не найдем среди них союзников.

– Ладно, обойдемся и без них, – заявил Лавров.

– Правда, в Сомали, как и в других странах Африки, встречаются люди, окончившие еще советские вузы, – добавил Анисимов. – Ну, я тебе об этом уже говорил. Это врачи, учителя, инженеры... Даже Салат Хассан, бывший президент Сомали, был таким выпускником. Но далеко не все они испытывают симпатию к нашей стране. А даже если и так, то ничем этого не проявят.

– Значит, будем рассчитывать только на себя, – заключил Батяня. – Кстати, а где остальные из нашей группы, ты не в курсе?

– Я знаю, что наверняка должен присоединиться старлей из ГРУ, – отвечал Анисимов. – Его сейчас нет в Москве, он на Кавказе. Мне говорили, что он отличный сапер и подрывник. Возможно, будет еще один старший лейтенант – он, как и ты, десантник.

– Вот это отлично, – обрадовался Лавров, считавший десантников более надежными напарниками в опасных операциях, чем людей из других ведомств – пусть даже таких уважаемых, как ГРУ.

– Да, а вечером, когда мы все соберемся, нас повезут в Центральный военный госпиталь – прививки делать, – сообщил Анисимов. – В саванне без прививок ни шагу нельзя, там куча опасных болезней. К этому времени станет известно, куда именно отвели пираты похищенное

судно. Тогда командование и будет принимать решение о том, какую задачу перед нами поставить.

– Ну, пока время еще остается, давай продолжать, – сказал Лавров. – Накачивай меня информацией, пока голова не распухнет.

И «лекция» продолжилась. Вместо карты на экране возникли фотографии сомалийских жилищ, пейзажи, лица пастухов. Лавров узнал, как выглядят акалы – разборные юрты, в которых живут кочевники саванны, и как – мундулло, дома в немногочисленных деревнях. Выслушал короткую лекцию о сомалийских верблюдах – основном имуществе кочевников, показателе их достатка. С удивлением узнал о том, что жители Пунтленда никогда не употребляют в пищу рыбу, птицу и яйца, а также, разумеется, свинину. Основной пищей для сомалийцев служат верблюжье молоко с лепешками, сыр, каша и лишь изредка – баранина. Узнал майор и названия основных кланов, живущих в Пунтленде, их запутанные взаимоотношения.

Спустя три часа, когда Лаврову и вправду стало казаться, что голова у него от полученных сведений скоро вспухнет, в дверь номера постучали. Лавров крикнул: «Войдите!» – и в номер вошел высокий, под стать самому Батыне, человек лет тридцати в десантном комбинезоне, с объемистой армейской сумкой. Быстро окинув взглядом людей в номере, он шагнул к Лаврову и произнес:

– Здравствуйте, товарищ майор! Старший лейтенант Горшенин. Согласно приказу командования прибыл в ваше распоряжение.

– С характером предстоящего задания ознакомились? – спросил Лавров.

– Да, задачу знаю, – ответил Горшенин и, не дожидаясь дальнейших вопросов, заявил: – Если пока срочных дел нет, я пойду в душ. Неделью не мылся, вся гигиена к черту. Не возражаете?

– Нет, не возражаю, – отвечал Лавров, отметивший решительность нового члена группы. – Только долго не плещись – капитан нам тут вводную дает. А потом на прививки повезут.

– Если надо – уколюсь! – бодро ответил старший лейтенант, расстегивая свой баул. – И от новой информации никогда не откажусь. Ничего, я скоро.

С этими словами он исчез в душе.

«Этот дорогу спрашивать не будет – сам найдет», – подумал майор. Ему нравились такие люди – самостоятельные, склонные проявлять инициативу.

После душа старший лейтенант из ГРУ сел перед компьютером и начал получать «вводную» от Анисимова. Однако лекции у капитана не получилось: Горшенин то и дело прерывал его вопросами и переспрашивал, если что-то не понял. Было заметно, что он привык получать сведения не пассивно, как слушатель, а активно, формируя свое представление о новом предмете.

Лавров надеялся, что вот-вот появится и четвертый член их группы – его коллега-десантник, но этого так и не произошло.

Около семи вечера ему позвонили и велели всем членам группы спуститься в вестибюль: их ждала машина, чтобы отвезти в госпиталь.

Прививки от столбняка, сонной лихорадки и других африканских «прелестей» оказались долгими и очень болезненными. Лишь около девяти часов они вернулись в гостиницу – уставшие и жутко голодные. Только собрались идти в ресторан, как в кармане у Лаврова зазвонил сотовый.

– Товарищ майор? – осведомился незнакомый голос.

– Да, я, – отвечал Лавров. – Кто говорит?

– Мне дал ваш телефон генерал Федин, – сказал в ответ незнакомец. – Я должен дать вам инструкции и документы. Жду вас в четвертом номере.

Отправив товарищей по группе в ресторан, Лавров спустился на первый этаж и отыскивал нужный номер. Когда он вошел, навстречу ему поднялся человек в обычном строгом костюме, с лицом, которое трудно запомнить.

– Полковник Гладков, – представился он. – Садитесь, майор, и слушайте меня внимательно. Завтра ровно в шесть вас будет ждать машина, которая доставит вас в Шереметьево. Вылет в восемь тридцать. Полетите через Франкфурт в Каир. Там пересадка на самолет до Аддис-Абебы, столицы Эфиопии. Вот вам билеты на всех троих, паспорта и командировочные. Деньги – в основном американские доллары, но есть еще эфиопские тенге и сомалийские шиллинги. Вот они, смотрите.

И полковник передал Лаврову объемистую пачку денег.

– И еще важная вещь – карта местности в масштабе километр на сантиметр, – продолжал инструктаж Гладков. – Распишитесь вот тут в ведомости, что получили деньги. Когда вернетесь, отчитаетесь.

Полковник пододвинул Лаврову листок. Поставив роспись, Лавров убрал в карман пачку долларов и шиллингов и спросил:

– А что, разве четвертого, из ВДВ, не будет?

– Нет, он не успел, – коротко отвечал Гладков. – Вас будет трое. Вашей группе командование присвоило кодовое название «Пирамида», а операцию, которую вам поручили, будем называть «Надежда». Слушайте дальше. В Аддис-Абебе вас встретит в аэропорту наш человек, зовут Мелес Ворку. Он будет вашим проводником до границы с Сомали. В Эфиопию вы прибудете как простые туристы с целью совершить путешествие по горам. Поэтому никакого оружия у вас не будет. Все оружие и специальное снаряжение получите через Ворку. За это отдадите ему ровно половину той суммы, что получили. Эта часть понятна?

– То есть власти страны нам не помогают? – уточнил Лавров.

– Нет. Времена, когда Эфиопия держала курс на дружбу с СССР, прошли, – в голосе полковника Гладкова послышалось сожаление. – Теперь там у власти леваки, которые ориентируются на Китай. Но в стране осталось достаточно людей, которые хорошо относятся к нашей стране. Однако не отвлекайтесь, слушайте дальше. Наш агент проводит вас только до границы, дальше вы должны действовать самостоятельно. Вам будет необходимо добраться до города Босасо – именно там пираты удерживают моряков. У вас будет рация, функции радиостанции будет выполнять Горшенин. Все коды и частоты мы ему уже передали. Каждый вечер он будет передавать короткий условный сигнал – он будет означать, что у вас все в порядке. А мы передадим вам срочную информацию, если потребуется. Когда доберетесь в район Босасо и проведете разведку, выйдете на связь и доложите о завершении первого этапа операции. Если будет необходимость в проведении второго, активного этапа, вам так же сообщат об этом по рации. Все ясно?

– Но если мы проведем этот второй этап, у нас на руках будут 19 человек, – заметил Лавров. – Как мы будем проводить их эвакуацию из Пунтленда? Поведем обратно через саванну?

– Нет, скорее всего, эвакуировать заложников будете по океану, – ответил Гладков. – Выйдете к побережью, там вас будет ждать наше судно. Но конкретные инструкции вам сообщат опять же по рации.

– Когда вы ждете от нас первого сообщения?

– Ориентировочно через четыре дня, – сказал полковник. – Если вы не выйдете на связь в течение десяти дней, мы поймем, что с вами что-то случилось. Тогда попробуем организовать поиски. Но наши возможности в этом регионе ограничены. У нас там нет ни военных баз, ни дружественных режимов, как, скажем, у Франции. Так что постарайтесь не попасть в беду.

– Мы постараемся, – пообещал Лавров.

Глава 5

Следующий день после «прибытия в отель» пленники привыкали к новым условиям жизни. Самые большие опасения у них вызывала судьба Насти Малеванной, отделенной от остального экипажа на женской половине дома, а также вопрос питания: ведь Куликов, слышавший про условия жизни в Сомали, уверял, что местные жители не едят ни мясо, ни рыбу, ни птицу, в ходу только каша да лепешки. Однако в первый же вечер их накормили вполне сносно: была и баранина с овощами, и свежий хлеб.

Хуже обстояло дело с ночлегом: моряков разместили в трех тесных проходных комнатах, в каждой стояло по четыре железных кровати, едва прикрытых тощими тюфяками. Одному из индийцев кровати не хватило, и ее спешно откуда-то притащили. Общая дверь, выходящая на лестницу, на ночь запиралась на крепкий засов. Маленькие окошки, густо затянутые противомоскитной сеткой, пропускали так мало воздуха, что в комнатах всегда было душно. Показали пленникам и «удобства» – крошечный сарайчик, стоявший за домом.

Зато утром, когда моряки спустились во двор, чтобы подышать воздухом, они увидели Настю. Девушка рассказала, что ее поместили одну в комнате. Правда, окон там вообще не было, и воздух поступал лишь из соседней комнаты, где спали две женщины-хозяйки. Но в целом это было лучше, чем можно было ожидать.

После завтрака, за которым моряки получили даже по чашке кофе, им нанесли неожиданный визит. Во двор въехал один из рыдванов, и из него, сопровождаемая охранником, вышла доктор Норма Лабрус. Француженка выглядела как всегда – независимой и уверенной в себе. Даже сигарета торчала во рту, как обычно.

– Ну, как мои больные? – осведомилась Лабрус. – Ну-ка, – обернулась она к охраннику, – организуйте мне тут пару скамеек. У меня здесь будет врачебный прием.

И, как ни странно, здоровенный пират (тот самый, что при захвате судна уделал Костю автоматом) понял француженку и послушно пошел в дом за скамейками. На одну села сама Лабрус, на вторую пригласила сесть Костю и матроса Махеша Гавли, получившего ранение в ногу, и прием начался. Мельникова доктор отпустила быстро, заявив, что голова у него крепкая, все обошлось, но еще раз соваться под приклад автомата она ему не советует. А вот с индийцем ей пришлось повозиться. Лабрус сняла бинты, промыла рану, удалила гной, дезинфицировала, снова наложила повязку и сделала матросу пару уколов, чтобы предотвратить воспаление.

Конечно, моряки забросали доктора вопросами: где поселили французов, в каких условиях. Лабрус заявила, что о месте их заключения она может сказать очень немного: когда они вчера подъезжали к дому, где им предстояло жить, всем завязали глаза. И то же самое сделали сегодня перед тем, как посадить ее в машину. Знает она лишь то, что дом, в котором их поместили, двухэтажный. Он, как и все дома в Босасо, окружен высокой глинобитной стеной. Живут они, как и остальные моряки, отдельно: Лабрус на женской половине, четверо мужчин на мужской, правда, по двое в комнате. Зато все окна у них постоянно закрыты ставнями, отчего в комнатах душно. Кроме того, на окнах крепкие решетки.

– Боятся, что мы пошлем какой-нибудь знак нашим парням, – усмехнулась Лабрус, кивнув в сторону стоявшего неподалеку охранника. – Например, азбукой Морзе прямо на спутник. Ну а у вас как дела? Как вас поселили?

И она принялась расспрашивать об условиях жизни моряков. Мельников обратил внимание, что доктора интересовало все – даже то, куда выходят окна их комнат.

Когда француженка уехала, пленники принялись слоняться по двору. Было ясно, что сегодня ничего больше не произойдет. И вообще ничего в их жизни не будет происходить, кроме завтраков, обедов и ужинов; жизнь для них остановилась.

Походив взад и вперед, пленники уселись под навесом в густой тени. За ними никто не следил, не было никаких охранников: видно, пираты были уверены, что узники не сбегут. Да и куда бежать в городе, где все смотрели на них, как на добычу?

Тут один из матросов-индийцев, Пал Субрата, заметил валявшийся в углу резиновый мячик – как видно, его оставил какой-то ребенок. Матрос поднял игрушку и пошел искать хозяев. Вскоре он вновь появился во дворе в сопровождении молодого парня – того самого, что утром подавал морякам завтрак. Индиец жестами показал сомалийцу, что хотел бы использовать детский мячик, чтобы поиграть в футбол: изобразил на окружавшей двор стене ворота и то, как он бьет по мячу. Парень отрицательно покачал головой, забрал у матроса мяч и скрылся в доме.

– Ну вот, не получилось, – заключил Субрата.

Но тут дверь отворилась и сомалиец вновь появился во дворе. В руках он нес... настоящий футбольный мяч. Правда, сильно потрепанный, плохо накачанный и облезлый, но тем не менее настоящий. Что-то сказав (естественно, его никто не понял), он проследовал к воротам и вышел на улицу. Видя, что моряки по-прежнему сидят и смотрят на него, он повторил несколько слов и приглашающе махнул рукой. Тут уж за ним двинулись все, даже те, кто никогда не любил гонять «кожаного друга».

Обогнув дом, вся компания оказалась на небольшом пустыре, окруженном чахлыми акациями и сараями. Тут уже и «ворота» имелись: штангами служили пустые ящики из-под пива.

– Прямо как у нас, где-нибудь на Пересыпи, – заметил одессит Игорь Супрун.

Все живо разделились на две команды – и игра началась. Спустя несколько минут на пустыре появилась группа подростков. Вначале они наблюдали за игрой, живо комментируя происходящее, а потом, когда быстро уставший Куликов вышел из игры, включились в состав команд.

Куликов не засек время, когда игра началась. Но даже после того, как он ушел с поля и присоединился к сидевшим в тени акаций Насте, раненому Махешу Гавли и не любившим играть Бхутни и Резчикову, прошло больше часа. Сначала побеждала команда, в которой большинство составляли сомалийцы. Но потом стала одолевать «славяно-индийская сборная» во главе с Костей Мельниковым.

Счет был уже 11:7, когда возле пустыря притормозил разваленный «Фиат», на котором накануне моряков привезли из порта. Сидевший за рулем сомалиец что-то прокричал парню, который дал морякам мяч. Оба африканца немного поспорили, потом «их» парень пожал плечами, забрал мяч и знаками велел морякам возвращаться во двор.

– Ничего, нормально размялись, – заявил Куликову разгоряченный игрой Костя. – Ребята играть, в общем, умеют. Только напора у них нет, злости спортивной не хватает.

Больше до обеда ничего примечательного не произошло. И после обеда тоже. Мельников подошел было к тому же парню, еще раз попросить поиграть в футбол, но тот отрицательно покачал головой.

На следующее утро вновь приехала Норма Лабрус; на этот раз она обследовала одного Махеша Гавли. Она привезла известие, что пираты потребовали у компании огромный выкуп – восемь миллионов долларов. Это известие повергло моряков в уныние: все понимали, что компания не захочет платить такие деньги. Значит, предстоят долгие переговоры, все время которых им придется провести в заточении.

Они вновь попросили у «своего» парня мяч, и опять получили отказ. Зато познакомились со своим стражем. Оказалось, что его зовут Абдуллахи Мустафа. Выяснилось, что Абдуллахи знает арабский, который немного понимали Гавли и Куликов. Так что моряки смогли с ним поговорить.

Абдуллахи объяснил, что он является дальним родственником главаря пиратской группы Юсуфа Ахмеда. Ему 20 лет. В пиратский промысел он включился недавно, и вообще всего

полгода, как приехал в Босасо, а до этого пас верблюдов в отдаленных районах провинции Мудуг. Всю жизнь Абдуллахи провел в нищете, и жизнь в Босасо кажется ему очень богатой, а деньги, которые ему дает Юсуф, – просто сказочными. На эти деньги он смог купить дом (как выяснилось, речь шла о саманной хижине за тем самым пустырем, где они играли в футбол) и жениться. Пожилая женщина, которая готовит морякам еду и живет на женской половине, – мать его жены Фатимы. Ее зовут Сахра.

– Теща, стало быть, – заключил Куликов, услышав это сообщение.

До этого, продолжал Абдуллахи, жениться не было никакой возможности – ведь в саванне у него не было даже десяти верблюдов. А там богатство человека меряется не деньгами, а «кораблями пустыни»: достойным считается лишь тот человек, у которого их не меньше десяти. Тот, у кого около ста верблюдов, считается зажиточным, за такого выдадут любую девушку, а по тысяче и больше имеют совсем богачи.

Дом, в котором содержат моряков, принадлежит Юсуфу. Он выдает деньги на продукты и платит Абдуллахи и Сахре зарплату: по два шиллинга каждый день. Это большие деньги. Их хватает, чтобы содержать жену, а когда родятся дети – и их тоже. Но этого мало, чтобы купить машину, телевизор и другие замечательные вещи, которыми полон дом самого Юсуфа (Абдуллахи был там однажды; от этого посещения у него остались неизгладимые впечатления). Тот ждет, когда белые богачи заплатят Юсуфу свой долг за корабль, тогда и он получит свою долю. Юсуф говорил, что денег будет много – больше, чем в прошлые два раза.

– Какой же это долг? – не выдержал Костя Мельников, когда Гавли перевел морякам последние слова их стража. – Вы силой захватили чужой корабль, требуете за него деньги. Это выкуп называется, а никакой не долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.